

ребенку. Въ поцѣлѣ она хотѣла скрыть и выступившій румянецъ, и волненье. Но волненье ея не ускользнуло отъ быстрыхъ глазъ Анны. Стрѣла мѣтко попала въ цѣль.

„А—а, красавица“, подумала Анна, „десять лѣтъ ты меня промучила, но не все коту масляница!“

— Къ чему ты намъ эти сказки рассказываешь?—раздраженно спросила Александра Ивановна;—мало ли что на свѣтѣ бываетъ!

Анна встала.

— Тетя, вы рѣшительно преслѣдуете меня; я уйду. Прости, Вѣра, если я случайно, можетъ быть, затронула какую-нибудь больную струну. Но вѣдь ты такъ счастлива... я положительно не понимаю, какъ мои слова могли коснуться...

— Они и не коснулись, — быстро перебила Вѣра: — съ чего ты взяла? Это совершенная правда, я очень счастлива съ мужемъ въ настоящемъ и нисколько не опасаясь за будущее.

— Я рада это слышать; рада и за тебя, и за дѣтей...

— И вѣрно тоже и за Петра Николаевича. Какое у тебя обширное сердце! Долго ли ты думаешь здѣсь остаться?

— Недѣли двѣ.

— А потомъ?

— Сама не знаю, куда случится... Прощай, Вѣра. Можно мнѣ зайти къ тебѣ, и когда я не помѣшаю?

— Во всякое время, когда мы дома.

— Когда же вы дома?

— По утрамъ и по вечерамъ; день мы проводимъ здѣсь.

— Я найду какъ-нибудь, вечеромъ. Еслибы Петръ Николаевичъ случайно видѣлся въ Парижѣ съ моимъ мужемъ, пожалуйста, дай мнѣ знать.

— Хорошо.

— Merci. Прощайте, тетя.

— Прощай, Анна. Смотри, не изведи себя какънибудь съ отчаянія-то!

— Вы все издѣваетесь надо мной.

— Что дѣлать, стара стала, сердцемъ окаменѣла, отъ вѣка отстала...

— Это все не то, тетя, а дѣло въ томъ, что вы меня съ дѣтства ненавидѣли.

— Мудреная ты была, мудреная и осталась. Богъ съ тобой! горбатаго могила исправить.

— Съ чего вы все это говорите? чѣмъ я это заслужила? Что я сдѣлала?